

Смерть Сталина поставила Д. Д. Шостаковича в трудное положение. Хотя он внутренне ненавидел отца народов, не мог ему простить тех выволочек, тех унижительных оскорблений, которые композитору пришлось испытать по вине тирана или его сатрапов, вместе с тем Дмитрий Дмитриевич прекрасно понимал, что он обязан ему своим высоким положением. Сталин был для Шостаковича, примерно как Николай Первый для Пушкина – высочайшим цензором. А главное, он ценил его талант, Шостакович был нужен ему.

Мне пересказывал Свиридов со слов Шостаковича, а тот слышал от М. Чиатурели рассказ, как Сталин во время беседы со своим любимым кинорежиссёром по поводу фильма “Падение Берлина” спросил Михаила Эдишевича, какого композитора он хочет пригласить. И когда Чиатурели признался, что хочет, чтобы музыку писал С. С. Прокофьев, то Сталин, немного подумав, сказал: “А я бы посоветовал Вам пригласить Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Мне кажется, что он более талантлив”. И действительно, в истории русской (да и не только русской) музыки место Шостаковича было не сравнимо ни с кем. О таком высоком, привилегированном положении, какое было у него при Сталине, не могли даже мечтать ни Глинка, ни Чайковский... Шостакович был первым и главным композитором сталинской эпохи, и рядом с ним не было никого, кто бы мог с ним стоять наравне.

Шостакович одним из первых откликнулся словом на смерть Сталина. После кончины вождя свои слова писали и публиковали многие. Писатели, художники, композиторы, архитекторы, артисты, учёные, рабочие, военные.

Кто только в те дни не писал эпитафии! Константин Федин (“Сталинские наследники”), Николай Грибачёв (“Плечо к плечу. Сердце к сердцу”), А. Яшин (“Слова потеряли силу...”), Василий Ажаев (“Он всегда с нами”), Галина Николаева (“Не ослабев, не дрогнув...”), В. Овечкин (Сталин – жизнь!), Н. Погодин (“Единство”), Назым Хикмет (“Вспоминаю...”), А. Софронов (“В Колонном зале...”). 12 марта в Литературной газете была опубликована подборка стихов под общим названием “Сталин – это жизнь”.

Большая часть таких слов носила чисто дежурный, порой совсем уж казённый характер. Были редкие исключения вроде выступлений М. Шолохова “Прощай, отец!”¹, Ильи Эренбурга “Великий защитник мира” (“Простые люди живы, и в них жив Сталин”)² или А. Фадеева “Гуманизм Сталина” (“Многие, многие века будет сиять священное имя Сталина, озаряя путь всему человечеству!”)³. Писали и зарубежные творцы слова, поэты, драматурги. В газете

“Правда” от 18 марта 1953 года (№ 77 (12645), с. 3) помещён отклик Иоганнеса Бехера в переводе А. Кочеткова “Бессмертному” (“Бессмертного мы чтим бессмертной славой!”).

Композиторские эпитафии были уж совсем как-то неприметны, безлики. Хотя писали Хачатурян, Шапорин, Хренников, люди, многим обязанные Сталину. Но слова мало чем отличались друг от друга, в них не было ничего особенного, какой-то изюминки, не было своей интонации, не было ни одной живой мысли, отсутствовало хоть какое-то напоминание об искреннем чувстве, переживании, элементарном соболезновании. Увы, какие-то стёртые, дежурные фразы. Слово Шостаковича тоже большей частью состояло из трафаретных, безликих слов и выражений. Не знаю, писал ли он сам или под диктовку, текст наверняка правили редакторы. И всё же в нём было одно предложение, если и не продиктованное чувством, но имеющее глубокий вещный смысл.

Слово было опубликовано в газете “Советское искусство” от 7 марта, вслед за бюллетенем “От Центрального Комитета...” о смерти Сталина и текстом Постановления совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совмина Союза ССР, Президиума Верховного совета СССР.

Привожу текст Шостаковича целиком, выделив курсивом фразу, показавшуюся мне заслуживающей внимания.

“Тяжёлое, огромное горе постигло нас. Из наших рядов ушёл Иосиф Виссарионович Сталин, наш первый и самый близкий друг. Умер дорогой учитель, чьи вдохновляющие указания двигали и всегда будут двигать вперёд наше искусство. Никогда у искусства ещё не было таких высоких задач, никогда ещё не было так огромно его значение, как в эпоху И. В. Сталина.

Жизнь и работа товарища И. В. Сталина должны быть для всех нас вдохновляющим примером. Мы должны так работать, чтобы с честью оправдать высокое звание сталинских учеников, современников великого Человека.

Сплотимся же теснее вокруг Коммунистической партии Советского Союза, вокруг Советского правительства и перед священным гробом нашего вождя поклоняемся приложить все силы, чтобы создать произведения, прославляющие наш победный путь к коммунизму.

Пусть вечно озаряет нас великое учение Сталина.

Сталин с нами на вечные времена”⁴.

Действительно, как это ни покажется парадоксальным, при всех ужасах и гримасах сталинской тирании, жёстком командном стиле управления культурой, то предназначение серьёзной музыки, та роль, которая ей отводилась в культурной политике государства, то внимание, с каким к ней относились высшие партийные и государственные органы, ни Шостакович, ни другие советские композиторы не испытывали уже никогда. Ещё, по инерции, внимание музыке уделялось при Хрущёве, но именно по инерции, уже не на таком уровне и не с такой значительностью. А уже позднее серьёзная музыка постепенно отходила на второй план. Не говорю уже о наших днях, когда государство просто не имеет практически никакой музыкальной политики и никакого интереса к новой высокой музыке, создаваемой современными российскими композиторами. Поэтому слова Шостаковича о том, что до Сталина “никогда ещё не было так огромно значение музыкального искусства”, были, скорее всего, продиктованы личным опытом Шостаковича. При всех притеснениях, при порой жестоких порицаниях и зубодробительной критике, какой подвергался Дмитрий Дмитриевич, никогда ещё в России так не ставилось и не почиталось высоко творчество композитора. И Шостакович – вдумайтесь, лауреат 5 (пяти) Сталинских премий! – был вознесён на вершину славы и был одним из самых привилегированных и титулованных творцов советского искусства.

Шостаковичу нелегко далось пережить смену эпох. Он внимательно следил за политической обстановкой, знал, конечно, в каких-то пределах обо всех перипетиях, переменах во власти наверху. Он знал о новых назначениях и перестановках в верхних эшелонах власти. Конечно, он обратил внимание на перемещения в ЦК партии и в Совете министров СССР.

Как известно, 7 марта, когда было опубликовано его “Слово о Сталине”, на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совмина СССР и Президиума Верховного Совета СССР решено было создать единый Президиум Совмина СССР, в состав которого вошёл в качестве Председателя Совмина Г. К. Маленков и его заместители, в том числе и Л. П. Берия, ставший первым заместителем Предсовмина СССР. Берия берёт в свои руки управление

безопасностью, став министром МВД СССР, в котором вновь оказались объединёнными МГБ и МВД. Н. Булганин становится военным министром, у него в заместителях оказываются маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Хрущёв полностью уходит на партийную работу в ЦК КПСС, оставляя пост первого секретаря Московского горкома партии. Членами Президиума ЦК становятся Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущёв, М. З. Сабуров (министр машиностроения) и М. Г. Первухин (министр электростанций и электротехнологий).

9 марта на похоронах Сталина с трибуны Мавзолея выступают с речами Маленков, Берия и Молотов. Начинается период так называемого «коллективного руководства». Фотографии этой троицы постоянно печатаются в газетах, они на видном месте, и конечно, могло возникнуть впечатление, что именно этот триумvirат и есть настоящая власть и осуществляет реальное руководство страной. Конечно, Шостакович не мог знать и не догадывался, что означает рокировка в высших эшелонах партии и государства и что за игру затеял Хрущёв в эти первые месяцы после смерти Сталина. Если бы он знал об этом, то вряд ли бы вступал в какие-либо отношения с Л. П. Берия, покровителем и поклонником его таланта. Ещё в начале июня Дмитрий Дмитриевич пишет ему письмо по незначительному случаю с просьбой о помощи пианисткам, сёстрам Туркиным⁵.

Биограф Шостаковича С. Хентова пишет, что 22 июня Шостакович перебирается на дачу в Комарово⁶. Значит, его не было на премьере оперы «Декабристы» в Большом театре СССР ни 23, ни 27 июня. На втором спектакле 27 июня присутствовал весь ареопаг, все руководители партии и правительства: товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, В. А. Малышев. Не было только Л. П. Берия. И, конечно, вся композиторская элита Москвы побывала на этих спектаклях. Кроме Шостаковича. Знал ли Дмитрий Дмитриевич или предчувствовал, но за день до второго спектакля, 26 июня всемогущий министр внутренних дел, заместитель Председателя Совета министров СССР, член президиума ЦК КПСС товарищ Л. П. Берия был арестован.

Начались неприятности у многих деятелей культуры, кто был связан с Берией или имел к нему хотя бы косвенное отношение. Первыми пострадали грузинские композиторы, выдвинутые на Сталинскую премию за 1952 году при Берии. Опале подвергся и кинорежиссёр М. Чиаурели, которому Берия благоволил. А с Чиаурели Шостакович, как известно, сотрудничал и написал музыку к ряду фильмов о Сталине («Падение Берлина», «Незабываемый 1919»). Когда начались неприятности у кинорежиссёра, то Шостаковича вызывали свидетелем по его делу. Забегая вперёд, напомним, что в своём знаменитом докладе о культе личности 25 февраля 1956 года Н. С. Хрущёв вспомнил недобрым словом кинофильм «Падение Берлина».

Но Шостакович был не из тех людей, кто отступает перед неприятностями. Слишком уж многому он был научен в этой жизни, пережил немало превратностей судьбы. К тому же он прекрасно знал себе цену и понимал, что его трудно сбросить с коня.

В мае или июне Шостакович наносит визит недавно назначенному министру культуры СССР П. К. Пономаренко. В конце мая он принимал участие в работе Секретариата Правления ССК СССР. Вообще он продолжает оставаться активным участником музыкальной жизни страны.

На даче в Комарово он узнаёт об июльском пленуме ЦК КПСС, о разоблачении Л. П. Берия. Здесь он слышит по радио или читает в газетах сообщение о Заседании Верховного Совета Союза и Совета национальностей 6, 7 и 8 августа 1953 года, о речи Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР и утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР о преступных антигосударственных действиях Л. П. Берия.

Композитор проводит в Комарово всё лето, не выезжая в Москву. В Комарово он начинает работу над своим большим сочинением – новой, Десятой по счёту симфонией. И если его Восьмая была потрясающим своей подлинностью и «жестоким» реализмом музыкальным портретом всей эпохи, то в Десятой он

коснулся своей личной драмы, изобразив себя в образе трагического шута с помощью известной звуковой анаграммы DSCH (Дмитрий Шостакович).

История создания Десятой, её первое исполнение, дискуссия по её поводу в Москве достаточно хорошо известны и неоднократно описывались в литературе. Окончание первой части (*Moderato*) датировано 5 августа, второй (*Allegro*) — 27 августа, третьей (*Allegretto*) — 8 октября, четвёртой (*Andante. Allegro*) — 25 октября. Шостакович возвращается в Москву 5 сентября, продолжает работу над симфонией дома. 25 сентября состоялся разговор о симфонии с Евгением Александровичем Мравинским⁷. На следующий день Мравинский “Красной Стрелой” едет в Москву. 1 октября состоялось прослушивание новой симфонии дома у Шостаковича. Как отмечает в дневнике Мравинский, к этому времени готовы в партитуре были первые три части и начало финала⁸.

Композитор заканчивает работу над партитурой симфонии в начале ноября. Партитуру доставляют в Ленинград частями, и с 6 по 9 ноября каждый день Мравинский знакомится с частями симфонии. 10 ноября на один день Шостакович приезжает в Ленинград и работает с Мравинским. В своём дневнике Мравинский отмечает: “Темпы!” 18 ноября Дмитрий Дмитриевич показывает симфонию на секции симфонической и камерной музыки. Сохранилась стенограмма заседания секции, на котором проходило прослушивание и обсуждение⁹. Своими впечатлениями поделились композиторы С. Разорёнов, Ю. Левитин, Н. Николаева, М. Раухвергер, Н. Пейко, Ю. Шапорин, А. Хачатурян. Как видно из списка выступавших, можно понять, что симфонию приветствовали или бывшие “формалисты”, или сочувствовавшие им. Симфония была воспринята на “ура” и рекомендована к исполнению.

20 ноября Шостакович выступает с докладом в Москве на торжественном заседании, посвящённом 125-летию со дня смерти Ф. Шуберта. Это была важная культурная акция с политическим подтекстом. Она была организована Министерством культуры СССР, ВОКСом и ССК СССР. Среди гостей были видные деятели культуры, главы дипломатических представительств¹⁰. А уже 21 ноября Шостакович вечером выезжает в Ленинград.

22 ноября он присутствует на концерте смотра ленинградских композиторов в Большом зале, где Е. А. Мравинский исполняет симфонию В. Салманова. 23 и 24 ноября дома у Мравинского Шостакович вместе с М. Вайнбергом в четыре руки играют новую симфонию, уточняя с дирижёром темпы. Вечером 24 ноября Мравинский был на обеде у матери Шостаковича Софьи Васильевны в Дмитровском переулке, и там вновь игралась Десятая. 25-го Дмитрий Дмитриевич посещает концерт в Малом зале им. М. И. Глинки, где исполнялась поэма Свиридова “Моя Родина”. 26-го, после обсуждения в ЛОССК, вечером Шостакович уезжает из Ленинграда.

Судя по дневнику, Мравинский 30 ноября утром и днём работал над 4-й частью симфонии, а вечером был на концерте смотра, где исполнялись произведения молодых композиторов¹¹. Дмитрий Дмитриевич остаётся до 26 ноября, потом уезжает в Москву. А Мравинский продолжает работать над симфонией. В пятницу 4 декабря Шостакович вновь возвращается в Ленинград на прогон симфонии с оркестром. На следующий день Шостакович уезжает в Москву, а Мравинский опять продолжает работать. 10 декабря Шостакович вновь возвращается в Ленинград, и практически все дни, целую неделю до премьеры в филармонии идут репетиции. Увы, пишу об этом с нескрываемым восхищением: теперь уже практически никто из наших (да и во всём мире!) дирижёров так не работает...

17 декабря 1953 года Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского в прославленном Большом зале Ленинградской филармонии впервые исполняет Десятую симфонию ми минор, сочинение 93 Д. Д. Шостаковича¹². На премьеры были приехавшие из Москвы А. И. Хачатурян, М. Вайнберг, Ю. Левитин, Л. Атовмян. Свиридов также был на этом концерте. В дневнике Мравинского за этот день упомянута программа концерта, а в конце сделана скупая приписка: “[Шостакович] очень успешно. После концерта у него в гостинице”¹³.

На следующий день концерт повторяется. В дневнике Мравинского появляется запись: “Не только успешно, но и действительно хорошо. После концерта опять у Шостаковича”.

19 декабря в Москве прошло открытие VII пленума Правления Союза советских композиторов СССР, посвященного массовой песне. С главным

докладом “О состоянии и задачах дальнейшего развития советского песенного творчества” выступает антагонист Шостаковича песенник В. Захаров. В пленуме принимает участие вся команда выдвиженцев 1948 года: М. Коваль, А. Новиков, Т. Хренников, Б. Терентьев, В. Мурадели¹⁴. Пленум сам по себе не стал большим событием, это, скорее всего, был смотр сил и намерений новому руководству на значение массового жанра. На пленум были приглашены поэты, выступил с докладом Л. Ошанин.

21 декабря “Красной стрелой” Мравинский едет в Москву. Там сплошь каждый день идут репетиции, Шостакович приезжает из Ленинграда 24-го. 27 и 28 декабря проходит генеральная репетиция, утром 29-го состоялся прогон, а вечером в Большом зале консерватории был концерт. На следующий день симфония вновь звучала в повторном концерте оркестра Ленинградской филармонии. Мравинский отмечает в дневнике: “Концерт (12-й): повторение вчерашнего. Очень хорошо; присутствовал Пономаренко” (министр культуры. — А. Б.).

В начале 1954 года симфония ещё несколько раз была исполнена в Ленинграде и Москве. 22 марта Мравинский едет с оркестром в Москву на очередной концерт. 24, 26 и 27 шли репетиции, на которых был Шостакович, а вечером 27 марта симфония была исполнена. В этот день Шостаковича все поздравляли с присуждением звания “Народный артист СССР”.

Но противник не дремал... Уже 29 марта открывается дискуссия о Десятой симфонии организованная ССК СССР. Она длилась с перерывами три дня, 29, 30 марта и 5 апреля. Хотя и сама дискуссия, её содержание, тексты выступлений хорошо известны музыковедам и этот сюжет неоднократно освещался в литературе о Шостаковиче, но никто толком до сих пор не разобрался, почему, в связи с чем возникла эта дискуссия.

Подоплёка этой истории была связана с одним малоизвестным нашим музыковедам сюжетом — с историей выдвижения на Сталинскую премию в 1953 и 1954 годах. Судьба Сталинской премии 1953 года вообще мало кого ныне интересует из историков по той простой причине, что сама эта премия, как известно, приказала долго жить.

Ещё в 1954 году на самом высоком уровне партийного руководства созрело решение упразднить Сталинскую премию и вместо неё возродить учреждённую ещё в 1925 году, а по сути, создать новую Ленинскую премию. Комитет по Сталинским премиям по инерции ещё продолжал работать и в 1954 году даже были присуждены премии. И хотя в Комитете поздравляли победителей, но лауреатами они остались только на бумаге. Ни диплома, ни почетного знака, ни самой премии никто не получил. Упразднение института Сталинской премии произошло позднее, а в 1953 году даже после смерти Сталина она всё ещё оставалась в сознании общества самой высокой, самой престижной высшей государственной наградой, к тому же имеющей ещё и денежное выражение: 100 тысяч рублей за премию первой степени.

И вот теперь мы приближаемся к драматической развязке истории с поэмой Г. В. Свиридова “Моя Родина” и с Десятой симфонией Д. Д. Шостаковича.

Последнее пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям в 1953 году происходило 2 марта. Конечно, после того, как Сталина не стало, пришлось срочно пересматривать и отбраковывать кандидатов из списка, так как за 1952 год выдвигались такие сочинения, которые уже через год явно не соответствовали времени. Список дорабатывался, уточнялся, согласовывался с новым министром культуры, в ЦК партии. И вот Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства с большим опозданием (обычно это делалось в конце февраля — начале марта) летом 1953 года обратился, как это было принято, в ЦК КПСС со своим списком кандидатов на премию за 1952 год¹⁵. Этот документ был подвергнут критике в Отделе науки и культуры ЦК КПСС. На имя Н. С. Хрущёва поступила Записка сотрудников Отдела А. М. Румянцева и В. С. Кружкова от 13 июля 1953 года. В ней содержалось предложение сократить количество премий (вместо 103 — 54). Значительное количество произведений литературы было забраковано, точно так же, как и ряд кинофильмов, в том числе и “Незабываемый 1919 год” (с музыкой Шостаковича), “Пржевальский” (с музыкой Свиридова) и ряд других. Такой же рекекции были подвергнуты списки кандидатов на премию в области музыки, живописи, скульптуры, театрального искусства. Однако отдел науки и культуры не только отверг довольно большое число кандидатур, но и предложил со

двоей стороны своих кандидатов, достойных, по мнению отдела, премии. Далее цитирую Записку: "Отдел считает целесообразным присудить Сталинские премии М. С. Бубеннову за роман "Белая берёза" (книга вторая), Н. Ф. Погдину за пьесу "Когда ломаются копыта", Ю. А. Шапорину за музыку оперы "Декабристы", Т. Н. Хренникову за музыку оперы "В бурю", группе артистов Большого театра за постановку оперы Ю. А. Шапорина "Декабристы"¹⁶.

23 декабря 1953 года выходит подписанное Председателем Совета Министров СССР Г. Маленковым и управляющим Делами Совмина СССР А. Коробовым Постановление Совета Министров СССР № 3002 "О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, искусства и литературы за 1952, 1953 годы". Согласно этому постановлению, Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства был обязан закончить отбор кандидатов за 1952 год и произвести отбор кандидатов на премию за 1953 год. Эту работу Комитет должен был завершить и представить в Совет Министров СССР на утверждение предложения о присуждении Сталинских премий за 1952 и 1953 годы к 15 апреля 1954 года.

25 декабря 1953 года в газете "Правда" было опубликовано сообщение, что Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР "принимает работы на соискание Сталинских премий за 1953 год"¹⁷.

А далее происходит самое интересное.

В ЦГАЛИ Санкт-Петербурга мне удалось познакомиться с Протоколами заседания Секретариата Союза советских композиторов¹⁸. Листая эти протоколы, я обнаружил протокол № 5 заседания Секретариата от 26 января. На этом заседании первым был вопрос о приёме в члены ССК СССР небезызвестного музыковеда Л. Атовмяна, бывшего при А. Хачатуряне главой Музфонда, погоревшего в 1948 году. А вот вторым вопросом стало выдвижение кандидатов на соискание Сталинской премии за 1953 года.

Привожу часть протокола № 1 по второму вопросу.

"Протокол № 5 ЗАСЕДАНИЯ... от 26 января 1954 г. Москва.

Присутствуют: Г. Хубов, Ю. Шапорин, В. Захаров, М. Коваль, В. Власов, О. Иванов, С. Аксюк, Г. Восканян, И. Иорданский, И. Ильин, Я. Солодухо, В. Кухарский, Н. Шумская, К. Петрова, Г. Шантырь, С. Урбах, Ю. Крейн, Л. Померанцева

Повестка дня.

1. Приём в члены Союза композиторов

2. Выдвижение на соискание Сталинских премий произведений советских композиторов за 1953 год.

<...>

2. Слушали: О выдвижении на соискание Сталинских премий произведений советских композиторов за 1953 г., рекомендованных комиссиями ССК.

Постановили:

1) Выдвинуть на соискание Сталинских премий на 1953 г. композиторов и музыковедов:

Ю. ШАПОРИНА – за оперу "Декабристы"

К. ДАНЬКЕВИЧА – за оперу "Богдан Хмельницкий"

Ю. ЮЗЕЛЮНАСА – за балет "На берегу моря"

Н. КОЛЕССА – за песни – "Гей, зелена Буковина", "Засветило солнце волди", "Песня про гуцулку Олену", за обработку народной песни "Гей, вид-но село"

Б. ЯРУСТОВСКОГО – за книгу "Оперная драматургия"

А. АЛЬШВАНГА – за книгу "Бетховен"

2) Считать целесообразным перенести на 1955 год вопрос о выдвижении на соискание Сталинских премий произведений (после их широкого обсуждения):

Д. ШОСТАКОВИЧА – за 10-ю симфонию и 4-й струнный квартет

А. КАСЬЯНОВА – за оперу "Степан Разин"

Е. БРУСИЛОВСКОГО – за оперу "Дударай"

Ю. СВИРИДОВА – за цикл романсов на сл. А. Исаакяна

С. РАЗОРЁНОВА – за симфонию-легенду, посвящённую памяти Зои Космодемьянской.

И. о. Генерального Секретаря

Союза композиторов СССР (Г. Хубов)

Секретарь Правления

Союза композиторов СССР (В. Власов)¹⁹.

Отсутствие Т. Хренникова объясняется тем, что в это время после неудачного обращения в ЦК КПСС 8 января 1954 года с предложением провести Второй съезд советских композиторов он уходит в творческий отпуск²⁰. Есть и другая причина ухода в отпуск Хренникова. Хотя его опера "В бурю" была возобновлена в 1952 году в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (была поставлена ещё в Свердловске), но он был не удовлетворён оркестровым решением ряда мест и работал над новой редакцией партитуры.

Напоминаю, что на обсуждении смотра творчества ленинградских композиторов на последнем заседании 2 декабря 1953 года заместитель Соловьёва-Седого М. Глух предложил послушать и обсудить поэму "Моя Родина" в ЛОССК. Обсуждения не было и уж тем более не было разговора о выдвижении Свиридова на Сталинскую премию за эту поэму. 7 января 1954 года на заседании Президиума ЛОССК обсуждался вопрос о выдвижении кандидатур на соискание Сталинской премии. Было принято решение "поддержать перед Комитетом по Сталинским премиям выдвижение на соискание Сталинской премии композитора Л. А. Ходжа-Эйнатова за "Танцы для симфонического оркестра" (3 тетради) и выдвинуть на соискание премии композитора Г. Носова за песни, написанные им в течение ряда последних лет, в том числе и в 1953 году. ("Далёко, далёко", "За горами, за Карпатскими", "Я иду при зореньке", "Родина", "Праздник в Холмогорах", "За Дунаем синим", "За рекою в поле")²¹.

Таким образом, поэму Свиридова всё же выдвинула Москва. Правда, с осторожным предложением перенести её на будущий, 1955 год.

Далее события разворачивались следующим образом.

2 февраля 1954 года состоялось очередное заседание Секретариата Союза композиторов СССР.

"ПОВЕСТКА ДНЯ:

3. К дискуссии о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА

Слушали:

3. О подготовке дискуссии о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА в ССК.

Постановили:

Провести в марте с. г. широкую творческую дискуссию о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА. Подготовку дискуссии поручить Бюро комиссии по музыкальной критике совместно с Бюро камерно-симфонической комиссии. Для участников дискуссии организовать предварительное прослушивание симфонии (в записи на пленку). Обеспечить необходимое количество экземпляров партитуры²².

Т. Хренников отсутствовал на заседании.

6 февраля 1954 года в Комитете по Сталинским премиям состоялось заседание секции музыки. Присутствовали члены Комитета Гольденвейзер А. Д., Захаров В. Г., Шапорин Ю. А., Шостакович Д. Д., Штогаренко А. Я., большой "любитель" музыки Шостаковича П. И. Апостолов (от ЦК КПСС). Референтом была Зинаида Александровна Гаямова (она была некоторое время личным секретарём Д. Д. Шостаковича).

Председательствовал Т. Н. Хренников. Любопытно, что Тихон Николаевич в Комитет по Сталинским премиям пришёл и ходил дальше, а в Союз композиторов не пожаловал и не был там ни в феврале, ни в марте. Правда, на обсуждении Десятой симфонии он присутствовал, но не произнёс там ни слова, что было замечено и осуждено в ЦК КПСС.

Сначала обсудили и утвердили протокол заседания 21 января 1954 года, посвящённый рассмотрению списка проголосованных кандидатур за 1952 год. Убрали из этого списка наиболее одиозные сочинения, вроде кантаты Балиса Дварионаса "Здравица товарищу Сталину" (Т. Н. Хренников отрезал: "Это просто неудобно. Снять").

Оставили в списке согласованные с ЦК партии кандидатуры С. С. Прокофьева за Седьмую симфонию и балет "Сказ о каменном цветке", А. Баланчивадзе (Концерт для фортепиано с оркестром) Ю. А. Шапорина (опера "Декабристы") и ряд других. Осталась также кантата Д. Шостаковича "Над Родиной нашей счастье сияет", написанная к открытию XIX съезда партии. А вот пред-

Ненюную Отделом культуры и искусства ЦК КПСС кандидатуры Т. Н. Хренникова не рассматривали — оперы “В бурю” в списке не было. Хренников молча проглотил эту горькую пилюлю. Он умел держать удар.

Затем перешли к главному вопросу повестки дня — обсуждению кандидатуры на 1953 год. И среди прочих кандидатур разговор зашёл о поэме Свиридова. Передаю слово документу:

“Шостакович Д. Д.: В. С. Кеменов²³ говорил, что за членами Комитета сохраняется право выдвижения до самого конца сессии. Это может быть реально, но я выдвинул Свиридова за цикл “Моя Родина”.

<...>

Захаров В. Г.: Мы обсуждали вопрос о Свиридове и решили перенести на будущий год, потому что широкая общественность не знает сочинения. В Ленинграде, как известно, разошлись с нашей точкой зрения, неправильно расценивают это сочинение, и расценивают отрицательно, а у нас это сочинение получило высокую оценку. Мы решили, чтобы это сочинение исполнялось в этом году, а в будущем году ставить вопрос о Свиридове.

И ещё там есть один отрицательный момент, не знаю, как к этому отнесётся общественность: всё-таки это очень мрачная “Моя Родина”. Он говорит об этом с очень мрачных позиций. Это не теперешняя “Моя Родина”, а родина изгнанника (слова Исаакяна), но общий колорит всего этого в целом довольно мрачен. Мы обсуждали и решили перенести на будущий год. И решили, что надо, чтобы и печатать была. <...>

Шапорин Ю. А.: Я был на концерте в Ленинграде и видел реакцию зала. Очень хорошо принимается сочинение! Из всего концерта это было самое шумное восприятие аудитории этой вещи. Я знаю это сочинение по клавиру, и как автор исполнял его в Ленинграде.

Те соображения, которые высказал В. Г. Захаров, для незнающего человека имеют значение, но те люди, которые знают слова Исаакяна, знают, что это относится ко времени, когда человек страдает от своей родине, будучи в изгнании. Этот мрачный колорит уступает место другому: лирическим излияниям человека, находящегося вдали от родной страны.

Хренников Т. Н.: Сочинение Свиридова выдвигается Шостаковичем. Мы должны это обсудить. В Ленинграде это поёт Нечаев и <...> (пропуск в стенограмме. — **А. Б.**). Нечаев поёт отлично. <...> Дмитрий Дмитриевич Шостакович выдвигает: Свиридова — цикл “Моя Родина”, Вайнберга — “Димка-Невидимка” и Балкашина “Павлик Морозов”. Это попросить здесь исполнить.

Шостакович Д. Д.: В Ленинграде вещь Балкашина несколько раз исполнялась.

Хренников Т. Н.: Мы обратимся к Филармонии, чтобы включили в открытый концерт. Для исполнения свиридовских вещей вызвать двух исполнителей из Ленинграда, устроить исполнение в камерном концерте²⁴.

Потом произошло непредвиденное: секция музыки больше не возвращалась к обсуждению поэмы, и вопрос о ней был вынесен на заседание Пленума Комитета.

ЦК партии торопит Комитет по Сталинским премиям, и уже 11 марта состоялся Пленум Комитета. Был заслушан доклад музыкальной секции. Докладывал Хренников. Дойдя до кандидатуры Свиридова, он дипломатично заметил: “Будем слушать 22-го числа, после чего будет выяснено окончательное отношение к этим вещам”²⁵.

Прослушивание состоялось не 22-го, а 23 марта в новом репетиционном зале МХАТа.

Присутствовали: Президиум Комитета — Тихонов Н. С., Кеменов В. С., члены Комитета — Александровская Л. П., Баяликов К., Благоев Д. Д., Большаков И. Г., Бровка П. У., Власов А. В., Герасимов С. А., Гольденвейзер А. Б., Грабарь И. Э., Григорьев С. А., Завадский Ю. А., Захаров В. Г., Захаров Г. А., Караев К. А., Кедров М. Н., Кербабаев Б. М., Кибальников А. П., Крушельницкий М. М., Крылов П. Н., Леонов Л. М., Михалков С. В., Мордвинов А. Г., Луканов С., Новиков А. Г., Нэлепп Г. М., Поляков Л. М., Симонов Р. Н., Уланова Г. С., Царёв М. И., Чернышёв С. Е., Шмапинов Д. А., Шапорин Ю. А., Шостакович Д. Д., Штогаренко А. Я. От ЦК КПСС присутствовал Шведов А. М. Председательствовал Н. С. Тихонов.

Вновь обращаясь к протоколу.

“Повестка дня:

1. Прослушивание в живом исполнении произведения композитора Свиридова Ю. В. “Песни Родины моей” (сюита);

2. Доклад секции театра и кино о кандидатурах на соискание Сталинских премий 1952–1953 г. за выдающиеся работы в области драмы и балета. Докладчик Ю. А. Завадский.

<...>

1. О произведение композитора Свиридова “Песни Родины моей” (сюита)...

Перед заседанием пленум заслушал исполнение произведения композитора Свиридова Ю. В. “Песни Родины моей”. Исполнители – артисты Нечавев И. А. и Андрианов В. И. Аккомпаниатор А. Люблинский.

Тихонов Н. С.: Обменяемся мнениями по заслушанному произведению.

Штогаренко А. Я.: Поскольку это произведение не было предметом обсуждения музыкальной секции, а нужно к нему отнестись внимательно, обсуждение его сейчас может принять абстрактный характер.

Леонов Л. М.: Какое мнение музыкантов?

Гольденвейзер А. Б.: Интересно было бы послушать мнение не-музыкантов, какое непосредственное впечатление производит это произведение.

Я вспоминаю замечательные слова Рахманинова: когда однажды он прослушал большое сложное музыкальное произведение, его попросили высказать своё мнение, он сказал: “Я не берусь после первого прослушания (sic!) высказывать определенное, это могут делать только критики”.

Тихонов Н. С.: Может быть, действительно критики выступят по первому впечатлению, а Рахманиновы будут потом обсуждать? (смех)

Мордвинов А. Г.: Сначала секции нужно было послушать, а потом пленуму предлагать.

Тихонов Н. С.: Тогда передадим секции, если нет желания сейчас это произведение обсуждать.

Шостакович Д. Д.: Секция всё-таки в достаточном большом проценте знает это произведение и, может быть, члены секции могли бы сейчас высказаться по этому поводу. Есть товарищи, которые слышат это произведение не в первый раз. Может быть, для экономии времени и по свежему впечатлению это было бы хорошо.

Тихонов Н. С.: Но у нас принято, что секция выносит на пленум своё общее мнение, это избавляет нас от излишних споров. Видно, секция не готова для данного решения. Передадим в секцию.

(Голоса: Правильно)²⁶.

И Пленум перешёл к обсуждению кандидатур по театру. А секция музыки собралась уже 30 марта 1954 года. В это время в Союзе композиторов уже два дня (28 и 29 марта) шла ожесточённая дискуссия по Десятой симфонии. Она точь-в-точь походила на споры по поводу поэмы Свиридова на обсуждении смотра творчества ленинградских композиторов. Та же расстановка сил, практически те же лица (от Ленинграда – Дзержинский и Кремлёв), те же доводы и оценки: мрачно, непреодолённая трагичность, нет светлого финала. И опять те же обвинения в формализме, отходе от принципов марксистско-ленинской эстетики, от “Постановления ЦК ВКП(б)” 1948 года.

Присутствовавших на обсуждении сотрудников аппарата ЦК КПСС больше всего напугало то, что на обсуждении высказывались сомнения в ценности “Постановления”, призывы отказаться от него. Как было отмечено в Записке о дискуссии П. Тарасова и Б. Ярустовского, “особого внимания заслуживают высказывания некоторых ораторов, пытавшихся связать “защиту” Шостаковича с более общими вопросами развития советского музыкального искусства. <...> Настойчиво говорили о необходимости “открыть двери” для произведений, осуждённых ранее общественностью – 8-й и 9-й симфоний и других сочинений, подвергнутых широкой критике за их формалистический язык, чуждый народу круг образов. В таких выступлениях ораторы явно пытались намекнуть, что “времена теперь другие”, что постановление ЦК КПСС об опере “Великая дружба” В. Мурадели “не действует” и т. д. <...> Как уже говорилось, не были отмечены недостатки последнего сочинения Шостаковича, его односторонний трагизм, мотивы одиночества и т. д.”.

Далее бдительные сотрудники отдела культуры и искусства ЦК КПСС, что называется, поставили на вид: “Тт. Хренников, Захаров, Кухарский и др.,

высказывавшие резко отрицательное мнение о новом произведении Шостаковича в “кулуарах”, так и не выявили своего мнения публично, на дискуссии”. И по-иезуитски “похвалили” самого виновника дискуссии: “Нельзя не отметить правильного по содержанию и скромного по форме выступления в заключение дискуссии самого Шостаковича, который отметил, что он постарается учесть ошибки и сделать всё, чего требует народ от советского композитора”²⁷.

Дискуссия в ССК СССР, конечно, не случайно совпала со временем работы Комитета по Сталинским премиям. Как раз после дискуссии и проходит заседание секции музыки Комитета по Сталинским премиям 30 марта, где обсуждались одновременно и поэма Свиридова, и “Десятая симфония Шостаковича”.

Итак, перехожу к заседанию секции музыки Сталинского комитета. Вновь обращаю внимание на состав присутствовавших на этом заседании членов Комитета.

Присутствовали члены Комитета А. Б. Гольденвейзер, В. Г. Захаров, К. Караев, А. Г. Новиков, А. В. Свешников, Т. Н. Хренников, Ю. А. Шапорин, Д. Д. Шостакович, А. Я. Штогаренко. Референт — З. А. Гаямова. Председательствовал Т. Н. Хренников. При таком раскладе Шостакович мог положиться только на своего ученика Кара Караева, отчасти на Ю. А. Шапорина. Этого было недостаточно. Так и вышло при голосовании.

“Повестка дня: Обсуждение кандидатур, выдвинутых на соискание Сталинских премий.

Т. Н. Хренников: <...> Теперь в отношении Свиридова давайте поговорим.

Д. Д. Шостакович: Я это произведение знаю очень хорошо и очень его поддерживаю. Считаю его выдающимся. Автор обладает, несомненно, большим композиторским талантом, умением, и это производит сильнейшее впечатление. Я всячески поддерживаю его на Сталинскую премию.

К. А. Караев: У меня отношение такое же, как у Дмитрия Дмитриевича. Конечно, это не простое произведение, как цикл песен сразу, как, скажем, Колесса, это в другом плане написано — камерный цикл, и очень своеобразно, интересно, трудно для исполнения, сложно довольно, но целый ряд удивительных музыкальных образов.

Ю. А. Шапорин: Я хорошо это сочинение знаю. Мелодически оно безупречно. Можно сказать относительно того, что гармония иногда не вяжется с той мелодической культурой, которая в этом сочинении есть. Тем не менее, я расцениваю его очень высоко. Но сочинение исполняли здесь ужасно. Так что надо принять во внимание эти недостатки исполнения, которые могли создать неправильное впечатление.

В. Г. Захаров: Я считаю, товарищи, что сочинение очень интересное, в нём много интересного, много даже хороших в полном смысле слова страниц и т. д. Но это интересно для нас, для музыкантов. А нашей публике мы не объясним хороших качеств этого сочинения, не говоря уже о том, что, в конце концов, в целом сочинение мрачное и непонятно, почему о Родине надо говорить такими мрачными тонами. Это далеко не вытекает из стихов, на которые написано сочинение. Если вы прочитаете стихи отдельно, то надо сказать, что он излишне мрачно сочинил. Почему он должен так мрачно думать о Родине, он должен думать о родине как о чём-то светлом, дорогом и любимом. Мне это непонятно.

И кроме того, я должен сказать, что там далеко не всё равно. Есть целый ряд номеров, которые с вокальной точки зрения сделаны просто неудовлетворительно. Я бы нашёл вам один из номеров, в отношении которого я убеждён, что это музыка, на которой хорошо упражнять способность потерять интонацию.

И потом, сочинение написано довольно давно, года три тому назад, и никто не поёт его. Мы слушали в прошлом году на Секретариате, написано это сочинение три года тому назад и не получило общественного звучания. Если и получило, то только отрицательно.

Я считаю, что несмотря на то, что в сочинении действительно много интересного и очень удачного, там есть чисто принципиальные вещи, музыка очень хорошая, но всё-таки говорить о Сталинской премии для этого сочинения, мне кажется, нельзя. И здесь дело не в том, как кто играл и как исполнял, я всё-таки убеждён, что мы не можем премировать это сочинение, несмотря на многие его достоинства.

А. Я. Штогаренко: Я в Ленинграде слышал это и кое-какие свои соображения скажу. Я не буду повторять, что это способный человек и что он идёт своим своеобразным путем. Всё это очень хорошо, но мне кажется, что это произведение, когда тов. Захаров говорит о том, что это произведение обращено всё-таки и рассчитано на какой-то очень узкий круг людей, это верно, и мне кажется, что это произведение не может найти отклика у наших слушателей. При всём своём уважении к этому произведению, я не вижу особенностей, когда произведение должно увлекать слушателей. Там есть отдельные страницы, одно или два названия, в основном же общий тонус произведения иногда доходит даже, может быть, до истеризма.

Мне кажется, что тов. Свиридов растущий композитор, и я больше чем уверен, что он может написать, но это произведение мне не кажется таким, которое надо премировать.

А. Г. Новиков: Мне кажется, что от советских композиторов в области вокала не таких сочинений ждёт народ, а мелодичных, красивых, доступных, удобных для исполнения и т. д. А здесь этого не получается. Если есть вокальная линия, то она очень нелогична, и логики мелодической я не вижу, и однообразная фактура. Есть там какие-то такие вещи, допустим, национальный колорит есть в сочинении, я его не почувствовал несмотря на то, что стихи обязывали делать это, нет образности, и получилось бездушное сочинение, оно никого не затрагивает и не волнует.

Я не могу такой цикл считать интересным, не говоря уже о Сталинской премии. Просто в Музгиз я бы не стал его рекомендовать. Это какой-то музыкальный эксперимент. Широкого отклика и широкой аудитории он не может получить, потому что здесь очень многое идёт от искусственной, по-видимому, и фальшивой позиции самого автора.

А. Б. Гольденвейзер: У нас в последнее время немного злоупотребляют словом "народ". Народ тоже очень растяжимое понятие, и в то же время большая масса слушателей больше всего любит Шульженко или Русланову, так что только ориентироваться на то, что имеет ли это широкий успех, не всегда правильно. Что касается Свиридова, я его творчество давно знаю, и должен сказать, что он мне во многом чужд, например, струнный квартет его звучал просто непостижимо²⁸. А в этом сочинении есть много хорошего. Наши композиторы, пишущие на голоса, иногда пишут хорошую мелодическую музыку, и гораздо реже их музыка бывает совершенна с зигмунационной (sic! — А. Б.) стороны. Цикл Свиридова написан не как музыка мелодическая, а как речитативная музыка, и такая музыка имеет право на существование. Мы знаем много страниц Мусоргского или Даргомыжского "Каменный гость", например, и в этом смысле в этом произведении есть большие достоинства. Там зигмунационная сторона на очень большом уровне. Нельзя отрицать, что для такого рода вещей крайне важно, как это исполнено.

Исполнение здесь было очень скверное, тенор пел фальшиво и кричал, немного лучше пел бас, но такого рода исполнение оказало медвежью услугу, но были люди, которым понравилось это. У нас есть на пленуме такие, которые никогда не ходят слушать музыку.

Т. Н. Хренников: Пленум выскажется сам, а мы должны решить сами для себя. Ваше предложение какое, Александр Борисович?

А. Б. Гольденвейзер: Я считаю это очень интересным произведением.

Т. Н. Хренников: У товарищей совершенно чёткая точка зрения: отложить. Ваша позиция какая?

А. Б. Гольденвейзер: У меня посредине. Дмитрий Дмитриевич считает, что нужно принять, товарищи считают, что надо отклонить, а у меня средняя позиция.

В. Г. Захаров: Рекомендовали ли Вы пропеть своим певцам такое произведение?

Т. Н. Хренников: Конечно, в этом сочинении чувствуется и талант Свиридова, и есть целый ряд очень привлекательных вещей и т. д. Но в то же время выдвигать на Сталинскую премию и нам поддерживать на премирование произведение, которое совершенно не поётся певцами, было бы неверно. Когда просишь певцов выучить это произведение, то они отказываются. Иван Петров говорит: "Если мне заплатите три ставки, я его выучу, потому что в свой репертуар включать его всё равно не стану". И вот, мне кажется, выдвигать на Сталинскую премию вокальное сочинение, которое певцы отказы-

входятся петь, это опять умножение числа тех произведений, которые имеют Сталинские премии и не имеют применения в жизни, хотя там есть и очень ценные вещи. Для меня лично это ясно, я тоже присоединюсь к тем товарищам, которые, признавая положительные качества, хотя и индивидуальность композиторская чувствуется в этом и отдельные просто интересные вещи, — я присоединюсь к тем товарищам, которые предлагают отклонить это сочинение, потому что это будет просто несправедливо. Получит Сталинскую премию сочинение, и мы введём в заблуждение общественность, которая его не знает. Певцы петь не хотят. А в этом году у нас было объявлено, что выдвигается произведение, получившее общественное признание. Как же мы можем выдвигать такое произведение, которое не только не получило общественного звучания, но и которое отказываются петь. Это будет просто настолько искусственное поддержание этого дела. Мы все знаем, что Свиридов талантливый человек, который может писать прекрасную музыку, например, пушкинские романсы он может писать так, что певцы поют с удовольствием, например, “Зимняя дорога” или “Роняет лес”, мы не опорочиваем этих произведений.

А. Б. Гольденвейзер: Так как секция в большинстве его не выдвигает, а раз пленум слушал, пусть они скажут своё мнение.

А. В. Свешников: Если такую манеру письма поощрить, то композитор начнет ещё более вычурно писать.

В. Г. Захаров: Там есть один номер, написанный как будто специально для того, чтобы певец утратил чувство интонации.

Т. Н. Хренников: Тогда проголосуем. Кто за отклонение сочинения, прошу поднять руки. (4 голоса). Кто за то, чтобы оставить в списке это сочинение? (Нет). Кто воздерживается? (4 голоса). Отклоняем.

Далее три сочинения Д. Д. Шостаковича: 10-я симфония, прелюдии и фуги и кантата “Над Родиной нашей солнце сияет”.

В. Г. Захаров о 10-й симфонии: <...> Но в целом это сочинение сугубо обращено внутрь самого себя, автора. Сочинение в целом пессимистическое, в котором эти трагедийные стороны, они настолько сильно подчёркнуты, настолько ярко выражены, что содержание этого сочинения вызывает очень большие опасения...”

И дальше Захаров напоминает о дискуссии по 10-й симфонии в Союзе композиторов, о том, что там высказывалось мнение: “Оно выражает сугубо пессимистические безнадежные чувства”, и это противоречит духу времени: “У меня остаётся чувство угнетённости, чувство страдания. Причём страдания не просто, а страданий непосильных, страданий кричащих”.

И, конечно, не забыл напомнить о славном 1948 годе. “Как можно увязать это сочинение с постановлением ЦК, как можно увязать это сочинение с выступлением товарища Жданова... <...> “Я вспоминаю, как народ реагировал на это постановление, против чего народ протестовал, самые широкие народные массы? Мы говорим о том, что мы очень часто злоупотребляем словом “народ”, но мы все можем утверждать, что приветствовал в этом постановлении народ. Он приветствовал нацеливание нашего музыкального творчества на дорогу простоты и доходчивости в своём творчестве наших композиторов”²⁹.

Если поэму Свиридова забраковали, то с “Десятой” было не так просто. Всё же авторитет Шостаковича был слишком высок, да и он сам присутствовал на этом заседании. Поэтому было принято соломоново решение: оставить в списке кандидатур кантату “Над Родиной нашей солнце сияет”, а вопрос о Десятой перенести на пленарное заседание.

На следующий день секция музыки выходит на пленарное заседание Комитета. Опять обращаясь к стенограмме.

“Присутствовали:

Президиум Комитета: Н. С. Тихонов, А. Д. Попов, В. С. Кеменов.

Члены Комитета: Л. П. Александровская, К. Баялинов, А. Т. Венцлова, П. У. Бровка, А. В. Власов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, С. А. Григорьев, Е. П. Ефанов, Ю. А. Завадский, В. Г. Захаров, Г. А. Захаров, К. А. Караев, Б. М. Кербабаяев, А. П. Кибальников, П. Н. Крылов, М. М. Крушельницкий, Л. М. Лавровский, С. В. Михалков, С. М. Луканов, А. Г. Новиков, Г. М. Нэллел, А. В. Свешников, Р. Н. Симонов, Турсунзаде, Т. Н. Хренников, С. Е. Чернышёв, Ю. А. Шапорин, Д. А. Шмаринов, А. Я. Штогаренко. Председательствовал А. Д. Попов. На этом заседании

присутствовали представители СМИ: товарищ Скалов (“Последние известия по радио”) и товарищ Каханов (Главное управление радиовещания)”. Шостаковича на этом заседании не было, он уехал в Ленинград.

Повестка дня: Доклад музыкальной секции о кандидатурах на соискание Сталинских премий 1952–1953 гг. за выдающиеся работы в области музыки, по разделам:

1. Крупные музыкально-сценические и вокальные произведения;
2. Крупные инструментальные произведения;
3. Произведения малых форм.

Докладчик Т. Н. Хренников.

Обсуждались:

1. К. Данькевич – опера “Богдан Хмельницкий”;
2. А. Кара Караев – балет “Семь красавиц”;
3. А. Касьянов – опера “Степан Разин”;
4. В. Чистяков – кантата “Песнь борьбы и труда”;
5. Ю. Шапорин – опера “Декабристы”;
6. Ю. Юзельюнас – балет “На берегу моря” и др.;
7. А. Бабаджанян – фортепианное трио;
8. А. Баланчивадзе – концерт для фортепиано с оркестром;
9. С. Прокофьев – 7 симфония;
10. О. Тактакишвили – 2 симфония;
11. Х. Эллер – струнный квартет № 4;
12. Д. Кабалевский – концерт для фортепиано с оркестром;
13. Б. Лятошинский – концерт для фортепиано с оркестром;
14. Д. Шостакович – 10 симфония;
15. Ан. Александров – квартет;

Малые формы:

16. М. Бурханов – хоры;
17. Н. Колесса – песни;
18. Л. Ходжа-Эйнатов – 5 танцев;
19. Г. Эрнесакс “Как живётся рыбакам”, сюита для мужского хора;
20. В. Шебалин – хоры на сл. А. Пушкина;
21. Г. Свиридов – поэма “Моя Родина”.

Хренников начал с малых форм, зачитал решение секции о М. Бурханове, Н. Колессе, Г. Эрнесаксе, В. Шебалине. И затем упомянул Свиридова.

“Хренников Т. Н.: Дальше написано, что секция не приняла ещё решения в отношении Свиридова – цикл песен о Родине. Сегодня мы обсуждали и приняли решение: отклонить. Нужно ли сегодня подробно об этом говорить или всем ясно?”

Голоса: Ясно.

Хренников Т. Н.: Согласны с решением?

Голоса: Согласны.

<...>

Хренников Т. Н.: Секция отклонила следующие сочинения <...>. Вот список отклонённых произведений. Какие будут вопросы или замечания?

Попов А. Д.: Вопросов нет? Замечаний нет? (Нет).

Хренников Т. Н.: Если нет замечаний и предложений, будем считать, что этот раздел нами утверждён”.

И затем уклончиво предложил отдельно обсуждать вопрос о 10-й симфонии Д. Шостаковича на следующий день.

С. В. Михалков выдвинул на этом заседании песню В. Мурадели “Партия – наш рулевой” как соответствующую моменту (песня о партии вместо Сталина)³⁰.

Наступают два последних дня работы Пленума Комитета по Сталинским премиям.

31 марта заседание Пленума Комитета 31 марта 1954 года вновь проходит в новом ретепитионном зале МХАТа. В полном составе присутствовал президиум Комитета: Н. С. Тихонов, А. Д. Попов, В. С. Кеменов. Председательствовал А. Д. Попов. Члены Комитета практически те же, что и на предыдущем заседании 30 марта. И опять отсутствовал Шостакович. Повестка дня: окончание доклада музыкальной секции. Докладчик – Т. Н. Хренников.

Но прежде, чем Хренников начал своё выступление, слово взял председательствующий на заседании Алексей Дмитриевич Попов, знаменитый актёр и режиссёр Центрального театра Красной армии.

“Попов А. Д.: Вчера секция отвела выдвижение Свиридова. На имя Тихонова Н. С. получена телеграмма Шостаковича Д. Д. с просьбой огласить её на Пленуме. Содержание телеграммы следующее: “Москва. Проезд Художественного театра 3. Комитет по Сталинским премиям Николаю Семёновичу Тихонову. Ленинград 31. III. 54.

С большим огорчением узнал о том, что пленум комитета по докладу музыкальной секции отклонил вокальный цикл свиридова тчк считаю что это произошло благодаря не вполне удовлетворительному исполнению что если нельзя срочно организовать исполнение в нормальных концертных условиях прошу это сочинение перенести на следующий год тчк глубоко убеждён в том что моя родина свиридова является самым выдающимся произведением из всех выдвинутых на сталинскую премию в этом году и за несколько прошлых лет и заслуживает первой премии уже сейчас тчк прошу эту телеграмму огласить пленуме и в случае несогласия со мной считать её за моё особое мнение которое буду просить довести до сведения правительства тчк привет тчк шостакович. Штемпель: Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы при Совете министров СССР. Вход. № 174. “1” IV 1954 г.”.

Трудно сказать, что в этот момент переживал Т. Н. Хренников, чья опера осталась за бортом и здесь не рассматривалась.

Далее А. Д. Попов, вероятно, выдержав небольшую паузу, задал вопрос присутствующим: “Кто хочет взять слово по этому поводу?”

Слово взял Гольденвейзер А. Б.: “Нет никакого сомнения в том, что исполнение, которое мы здесь слышали, было в полной мере неудовлетворительное, поэтому, конечно, дать полную оценку этому произведению было нельзя.

Я не так хорошо знаю это произведение, но такая исключительно высокая оценка, что это произведение лучше всех других и что поэтому оно стóит 1 премии, мне кажется преувеличенной.

Это произведение было представлено в очень неудовлетворительном виде, из-за чего большинство музыкантов, не знающих это произведение, не могли получить настоящего представления о нём”.

За то время, что выступал Гольденвейзер, Хренников быстро просчитал про себя стратегию поведения и невозмутимо, спокойным голосом спросил: “Я не знаю, стоит ли переголосовать то, что Пленум голосовал вчера?” И продолжил:

“К сожалению, лучшего исполнения мы организовать не сможем, потому что певцы отказываются петь это сочинение. Единственных двух певцов, которые согласились петь, попросили выучить для исполнения на пленуме в Ленинграде. Певцы выучили это произведение, но каждый раз очень неохотно исполняют его.

(Голоса: Почему?)

Потому что оно очень неудобно написано для вокального исполнения.

Секция, отмечая целый ряд положительных вещей в этом произведении, считает, что ввиду того, что это произведение никак не принимается нашими исполнителями и, по сути дела, не имеет никакой оценки, потому что промежуточное исполнительское звено не хочет петь эту вещь, возможным и отвести его. Правда, музыканты признают в нём целый ряд достоинств, но в то же время сильно критикуют.

Захаров В. Г.: Мы очень внимательно обсуждали это произведение. На меня очень странное впечатление произвела эта телеграмма Шостаковича. В сочинении есть целый ряд достоинств, есть целый ряд моментов, которые в особенности интересны композиторам, музыкантам теоретикам и т. д. В сочинении есть, может быть, один или два действительно удачных номера, и вообще, нельзя сказать так, что это сочинение порочно, целиком плохое, неудачное. Речь идёт о том, что Сталинскую премию нужно давать за выдающееся сочинение, которое будет широко исполняться, и народ будет получать удовольствие, слушая его.

Данное сочинение написано 3 года тому назад, и до сих пор оно не получило, по существу, никакого распространения.

Здесь говорили, что оно неудобно написано для вокалистов. Там даже есть такие номера, которые, я даже не знаю, можно их хорошо спеть или нельзя; даже при огромнейшей затрате сил нельзя отлично спеть эти номера.

Наконец, мне совершенно непонятна вся концепция в целом. Это есть воспоминание о Родине, но воспоминание настолько мрачное, что у меня это вызывает чувство протеста. Я понимаю, что можно грустить о Родине, переживать глубокие страдания, но в целом такое мрачное сочинение, которое так мрачно обрисовывает моё отношение к Родине, вызывает неправильные чувства.

Если бы случилось так, что это сочинение получило бы Сталинскую премию и при посредстве каких-то административных нажимов исполнялось бы, потому что иначе вокалисты не хотят исполнять его, широкой публике было бы непонятно, за что же присудили ему Сталинскую премию?

Тихонов Н. С.: Я не совсем понимаю, почему болгарская тема вошла в это произведение? Почему болгарская тема Ботева³¹ вкралась туда? Не нарушает ли она цельности содержания?

Захаров В. Г.: Я этого Вам объяснить не могу, но вообще там очень много непонятного.

Хренников Т. Н.: Это произведение исполнялось на Ленинградском пленуме и было предметом дискуссии. Большинство выступавших в дискуссии очень резко отзывались об этом произведении, кроме 2-3 человек, в частности, и Д. Д. Шостаковича. Большая часть музыкантов Ленинграда отнеслась критически к этому произведению.

Попов А. Д.: У меня есть такое предложение. То, что мы вернулись к этому вопросу, я считаю вполне нормальным. Вчера мы приняли решение, но сегодня мы получили телеграмму Д. Д. Шостаковича, очень распространённую³² (?), чрезвычайно резко расходящуюся с оценкой секции в целом, и, естественно, что мы вернулись к этому вопросу снова.

Поскольку возник вопрос о вокальных качествах этого произведения, нам нужно быть осторожными в ссылке на вокалистов, которые не хотят исполнять его.

В составе нашего Комитета, пополнившегося в этом году, есть специалисты. Я предлагаю Ларисе Помпеевне Александровской и Г. М. Нэллепу ознакомиться с вокальной стороной произведения и высказать своё мнение Пленуму.

Александровская Л. П.: Подробно разобрать трудно, но то впечатление, которое получилось от прослушивания, резко отрицательное. Как это Нечаев вступал в аккорд, когда он исполнял здесь эту вещь, — это фокус. Вот здесь именно отсутствие той мелодичности, о которой говорил Александр Борисович и Владимир Семёнович. Все отказываются это петь, потому что это чрезвычайно неудобоваримое произведение с точки зрения вокала.

Нэллп Г. М.: Когда певец исполняет то или другое произведение, он сам тоже получает удовольствие. Испытываете какое-то удовлетворение от трудных вещей, что ты их преодолел, и это тебе приятно. Но когда я слушал Нечаева, я думал, что я не взялся бы петь эту вещь: она для меня не интересна и не понятно, где какой аккорд и где какая нота. Там есть один интересный номер у Нечаева, но очень трудный. Это произведение не будет доставлять удовлетворения ни слушателям, ни самому певцу, и решение Пленума совершенно правильное.

Попов А. Д.: Подтверждаем решение вчерашнего Пленума и тем самым доведём до сведения Правительства точку зрения Д. Д. Шостаковича³³.

Итак, несмотря на заступничество Шостаковича, поэму окончательно зарезали. На следующий день расправа ждала Десятую самого Шостаковича.

1 апреля наступает заключительное пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям. Среди многих других вопросов (по разным секциям) было заслушано окончание доклада музыкальной секции. И вновь докладывал Т. Н. Хренников. Покончив быстро с вопросом о сочинениях Г. Эрнесакса, А. Касьянова и Н. Колессы, он доходит до обсуждения кандидатуры Шостаковича. Собственно, главным теперь оставался только вопрос о Десятой. И вот тут Хренников показал свою волю и умение рассчитать стратегию битвы. Он знал, как проходит дискуссия в Союзе композиторов, и, конечно, получил соответствующую установку из ЦК КПСС. Как тореадор в последней терции корриды, он наносит симфонии смертельный удар: «Мне представляется, что герой этого произведения — какой-то перепуганный интеллигент, который боится жизни. Жизнь ему представляется каким-то страшным кошмаром, от этого он кричит, вопит, потому что симфония наполнена невропатическими спазмами, и ему всё окружающее представляется в каком-то таком свете,

из которого даже выгода не существует, а отдельные просветления, которые есть в музыке, и то какого-то инфантильного порядка... <...> Эта симфония никогда не может являться отражением нашей действительности, а это кривое зеркало нашей действительности...”

Но Шостаковича невозможно было оставить совсем без премии, Хренников прекрасно понимал, что его не поддержат на пленуме. Да и решение с премиями уже было обсуждено и сверено наверху. Поэтому было найдено компромиссное решение. Шостаковича решено наградить званием лауреата Сталинской премии за кантату “Над Родиной нашей солнце сияет” и за ряд прелюдий и фуг из его цикла 24 “Прелюдии и фуги для фортепиано”, который ещё сравнительно недавно осуждался как формалистическое произведение³⁴.

5 апреля 1954 года завершилась дискуссия по Десятой симфонии в Союзе композиторов. Сохранился протокол № 16 открытого заседания Секретариата Союза композиторов СССР с активом от 29–30 марта и 5 апреля 1954 года, посвящённого дискуссии по поводу 10 симфонии.

Собственно, это последнее заседание ничего уже не решало. Дело было сделано: симфония не будет выдвинута на Сталинскую премию. Хренников, оставшийся не только без заветной премии, но даже не получивший шанса на неё в виде очередного выдвижения, тем не менее мог праздновать пиррову победу. Непрохождение симфонии на Сталинскую премию означало, что высшее партийное руководство не поддержало курс на смену господствующей официальной эстетики образца 1948 года, а значит, Хренников мог надеяться, что он останется во главе Союза композиторов СССР.

Что касается поэмы Свиридова, то окончательная точка в истории её “хождения по мукам” была поставлена в апреле 1954 года.

Георгий Васильевич получает от Дмитрия Дмитриевича следующее письмо от 22 апреля 1954 года:

“Дорогой Юрий Васильевич!

Посылаю Вам на память моё заявление в Совет Министров, которое я прошу считать моим особым мнением. Не знаю, будет или не будет это принято во внимание. Во всяком случае, это заявление приложено к делу и будет доложено, когда будут обсуждаться результаты работы Комитета по Сталинским премиям.

Крепко жму руку.

Привет Эльзе Густавовне.

Ваш Д. Шостакович”.

К письму было приложено заявление³⁵.

“В Совет Министров Союза ССР

Цикл вокальных поэм Г. В. Свиридова на слова А. Исаакяна “Моя Родина” представляется мне одним из самых выдающихся произведений, созданных советскими композиторами за последние годы. Мне приходилось слушать исполнение этих поэм в концертном зале, и я имел возможность убедиться, какое большое впечатление оно производит на слушателей, какое волнение они вызывают у аудитории. Думается, что это можно, прежде всего, объяснить высокой поэтичностью музыки и стихов, воплощающих благородные идеи и чувства: любовь к Родине, верность, мужество.

Каждая часть цикла – небольшая, законченная по форме вокальная поэма, насыщена мыслями, живым чувством, настроением. Привлекает в этом цикле органическое сочетание слова и музыки, напевность, выразительность и, вместе с тем, – очень индивидуальная, характерная для творческого почерка Свиридова. Композитор отлично знает все выразительные возможности голоса, он вдумчиво, подлинно творчески подходит к поэтическому слову и, следуя за всеми движениями мысли в прекрасных стихах Исаакяна, талантливо раскрывает внутренний подтекст этой поэзии, находит для каждого стихотворения свой, неповторимый и убеждающий музыкальный образ.

Музыкальные средства, используемые Свиридовым в этом сочинении, очень экономны, очень органичны. В них нет никакой вычурности, никакого внешнего наигрыша. Очень содержательная партия фортепиано привлекает выразительностью гармонического языка, интересными полифоническими приёмами, изящными фактурными находками. Значение цикла Свиридова, как мне думается, очень велико не только потому, что этот цикл существенно

обобщает нашу вокальную литературу, но и двигает вперёд творческую мысль, намечает новые пути романсового стиля.

Судьба этого произведения оказалась довольно сложной. Свиридов создал свой цикл “Моя Родина” в 1949 году. Тогда некоторые влиятельные ленинградские музыканты осудили это произведение, и, благодаря этому, оно не было допущено к публичному исполнению. И лишь в 1953 году, из-за настояний музыкантов, высоко оценивающих это произведение, оно было предано гласности. Я не хочу опорочивать отрицательную оценку произведения Свиридова лишь потому, что я с ней не согласен, но я категорически против администрирования и безапелляционных суждений в вопросах искусства. По моему глубокому убеждению, судьба того или иного музыкального произведения должна определяться его оценкой со стороны самых широких кругов наших слушателей. Для этого оно должно исполняться публично, печататься и т. п. Единоличная оценка отдельных музыкантов, даже занимающих высокое положение, не должна определять судьбу произведения. (Я говорю о произведениях, стоящих на соответствующей ступени мастерства и таланта, а не о безграмотных и бездарных произведениях).

“Моя Родина” Свиридова обсуждалась в Секретариате Союза Советских композиторов и в Главном управлении музыкальных учреждений Главного управления по делам искусств при Министерстве культуры СССР и получила высокую оценку. Наконец, “Моя Родина” была исполнена публично в Ленинграде с большим успехом.

Я воспользовался своим правом члена Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и выдвинул “Мою Родину” на соискание Сталинской премии. Музыкальная секция Комитета в своё время вынесла совершенно правильное решение, чтобы произведения, выдвинутые на Сталинскую премию, исполнялись бы на концертах. К сожалению, это не удалось осуществить в отношении Свиридова, так как его исполнители не смогли приехать в Москву на запланированный концерт. Они приехали позже и продемонстрировали Пленуму Комитета “Мою Родину” Свиридова в совершенно неподходящих условиях, в небольшой комнате, в деловой обстановке заседания, с неважным роялем. Самое исполнение было также не очень удачным, что объясняется утомлением артистов после дороги и несоответствующими условиями, о которых я уже говорил.

Музыкальная секция Комитета не поддержала моего выдвижения. В начале обсуждения секцией произведения Свиридова я был. Позже мне пришлось уйти. Критические замечания, сделанные членами секции, не убедили меня. Члены секции т. т. Захаров и Новиков, в частности, утверждали, что такое произведение “не нужно народу”, что “народ ждёт не таких произведений”, что автор “не умеет писать для голоса”. К последнему замечанию присоединились и некоторые члены Комитета, куда перешло дальнейшее обсуждение. С этими замечаниями я не могу согласиться, т. к. считаю, что ни т. Захаров, ни т. Новиков, ни какой-либо другой музыкант, даже занимающий высокое положение, не имеет права безапелляционно выступать от имени Народа. Что же касается до упреков Свиридову в том, что он не умеет писать для голоса, что это слишком трудно для голоса, то и это звучит неубедительно. Петь “Мою Родину” действительно трудно. Не менее трудно, чем петь Вагнера, Мусоргского. К сожалению, упреки по адресу этих великих мастеров в том, что они не умеют писать для голоса, порою приходится слышать даже в наши дни. Пленум согласился с критическими замечаниями музыкальной секции, вернее, отдельных её членов, и отверг “Мою Родину” Свиридова. На этом Пленуме Комитета я не присутствовал, т. к. вынужден был уехать в Ленинград. Узнав о решении Пленума Комитета, я послал из Ленинграда телеграмму, в которой настаивал на своём выдвижении, указывая на неудачное исполнение в несоответствующих условиях, и просил Комитет, в случае несогласия со мной, вторично прослушать “Мою Родину” Свиридова, а в случае невозможности организовать в эти дни концертное исполнение перенести обсуждение “Моей Родины” Свиридова на будущий год. Пленум Комитета не пошёл навстречу моей просьбе. Поэтому я считаю своим долгом обратиться в Совет Министров СССР с этим заявлением, которое одновременно прошу считать за моё особое мнение.

Член Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР, композитор Д. Шостакович.

5 апреля 1954 года”.

Заявление было рассмотрено на заседании Комитета по Сталинским премиям и приложено к отчёту комитета. Рассматривалось ли оно в Совете Министров СССР, не могу сказать. Никаких документов по этому поводу мне не удалось найти в РГАСПИ. Скорее всего, это заявление потонуло в массе других бумаг, поступавших в канцелярию Совета Министров из Комитета по Сталинским премиям. Прошло два года, и 15 августа 1956 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за №1127 “О Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства”. Со Сталинской премией было покончено. Впоследствии в начале 1960-х годов, как известно, она была преобразована в Государственную.

* * *

Целиком поэма была опубликована впервые только в 1957 году под названием “Страна отцов”³⁶. Впоследствии Георгий Васильевич хотел переделать поэму в кантату, используя хор и оркестр. Но этот замысел так и не был осуществлён.

Драматическая история вхождения в жизнь Десятой симфонии Д. Шостаковича и Свиридова “Моя родина” весьма показательна для эпохи “оттепели”. Впереди обоих композиторов ожидали ещё бои на “музыкальном фронте”. Но в это время они шли, что называется, рука об руку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Правда”. 1953. 8 марта, № 67 (12635). С. 4.

² “Правда”. 1953. 11 марта, № 70 (12638). С. 4.

³ “Правда”. 1953. 12 марта, № 71 (12639). С. 4.

⁴ Шостакович Д. Самый близкий друг // “Советское искусство”. 1953. 7 марта, № 20 (1512). С. 4.

⁵ См.: Д. Д. Шостакович—Л. П. Берия с просьбой о помощи пианисткам, сёстрам Туркиным. Не позднее 5 июня 1953 года. Опубликовано в кн.: Музыка вместе с сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991 / сост. Л. Максименков. М., Международный фонд “Демократия”, 2013. С. 435–436.

⁶ Хентова С. М. Шостакович в Петрограде–Ленинграде. Л., “Советский композитор”, 1981. С. 212.

⁷ См. запись в дневнике Е. А. Мравинского от 28 сентября 1953 года: “В пять часов вечера разговор с Шостаковичем о его Десятой симфонии (!)” (Мравинский Евгений. Записки на память: Дневники. 1918–1987 / Текстологическая подготовка, составление и вступительная статья А. М. Вавилиной–Мравинской; составитель “Летописи жизни и творчества Е. А. Мравинского” Ю. Н. Кружнов. СПб., “Искусство–СПб”, 2004. С. 151).

⁸ Там же. С. 151–152.

⁹ РГАЛИ ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 878. ССК СССР Секция симфонической и камерной музыки. Стенограммы заседаний секции от 18.11, 7.12, 9.12 1953 года. Начато 18 ноября 1953 года. Окончено 9 декабря 1953 года. На 91 л. Стенограмма заседания комиссии симфонической и камерной музыки от 18 ноября 1953 года. Прослушивание и обсуждение 10-й симфонии Шостаковича Д. Д.

¹⁰ См. информацию об этом заседании: “Правда”. 1953. 20 ноября, № 324 (12892). С. 4. В это время решался вопрос о выводе советских войск из Австрии и её нейтралитете. Позднее (в 1958 году) Шостакович возглавит с советской стороны Советско-австрийское общество дружбы.

¹¹ В дневниковой записи от 30 ноября Мравинский отмечает какую-то “безобразную проповедь Соловьёва-Седого” (см. Мравинский Евгений. Записки на память... С. 157). На следующий день, 1 декабря, он был в горькометрии и сообщил Сериковой о “невыносимой рапмовщине” и “вчерашней выходке Сол.-Седого” (там же. С. 157).

¹² Краткая информация о премьере была опубликована в газете “Советская культура”. 1953. 19 декабря, С. 3

¹³ Мравинский Евгений. Записки на память... С. 159.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 847. Стенограмма VII пленума Союза советских композиторов СССР “О состоянии и задачах дальнейшего развития советского песенного творчества”. На 92 л.

- При Сталине был порядок подачи такого рода документа Президиуму или Бюро Президиума ЦК, где список окончательно шлифовался под пером самого "именанта" и потом оформлялся Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР.
- ¹⁶ Музыка вместо сумбура... С. 442.
- ¹⁷ "Правда". 1953. 25 декабря, № 359 (12927). С. 2.
- ¹⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года. 7 декабря 1954 года. На 66 л.
- ¹⁹ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года – 7 декабря 1954 года. На 66 л. Л. 9–10.
- ²⁰ Подробности конфликта Хренникова с аппаратом отдела культуры ЦК см. в комментарии Л. Максименкова к обращению Т. Н Хренникова в ЦК КПСС о созыве Второго Всесоюзного съезда композиторов СССР (Музыка вместо сумбура... С. 450–451).
- ²¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 322. Протоколы заседаний Президиума ЛОССК и материалы к ним. 7 января 1954 года–22 ноября 1954 года. На 35 л. Протокол № 1 заседания Президиума ЛОССК от 7 января 1954 года (л. 2). Присутствовали В. П. Соловьёв-Седой, М. А. Глух, Л. А. Ходжа-Эйнатов, П. Радчик, Е. Д. Выходцева.
- ²² ЦГАЛИ СПб ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года – 7 декабря 1954 года. На 66 л. Протокол № 7 заседания 2 февраля 1954 года. Л. 10 об., 14.
- ²³ Владимир Семёнович Кеменов (1908–1988) – философ, искусствовед. В 1939–1953 год – учёный секретарь Комитета по Сталинским премиям, с 1954 по 1956 год – заместитель министра культуры СССР.
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 30. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний секции музыки. Стенограмма заседания музыкальной секции 6 февраля 1954 года. Л. 49–52.
- ²⁵ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 21, л. 133.
- ²⁶ РГАЛИ Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 23. Работы 1953 года. Стенограммы заседаний пленума Комитета. 23 марта 1954 года. Л. 125–129.
- ²⁷ См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Ред. коллегия: К. Аймармахер (гл. ред.), В. Ю. Афиани, Д. Байрау, Б. Бонвеч, Н. Г. Томила. М., РОССПЭН, 2001. 808 с. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы). С. 212–213.
- ²⁸ Напомню читателям, что А. Б. Гольденвейзер критиковал струнный квартет Свиридова на Советании музыкальных деятелей в ЦК ВКП(б) в феврале 1948 году.
- ²⁹ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 23. Стенограмма заседания секции музыки Сталинского комитета. 30 марта 1954 года. Л. 148–155, 157–158.
- ³⁰ РГАЛИ. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний Пленума Комитета. Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 24. 267 л. Стенограмма заседания Пленума Комитета 30 марта 1954 года. Л. 171–174.
- ³¹ По всей видимости, у Н. С. Тихонова возникла ассоциация стихов, выбранных Свиридовым из Исаакяна, с господствующими настроениями в поэзии болгарского поэта и революционера Христо Ботева.
- ³² Скорее всего, это оговорка Попова или опечатка машинистки. Имеется в виду "пространную".
- ³³ РГАЛИ. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний Пленума Комитета. Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 25. Стенограмма заседания Пленума Комитета 31 марта 1954 г. Л. 196–202
- ³⁴ РГАЛИ Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 25. То же. 1 апреля 1954 год.
- ³⁵ Оно сохранилось в нескольких экземплярах. Часть этих экземпляров можно найти в фонде Комитета по Сталинским премиям в РГАЛИ и, полагаю, в фонде Совета Министров СССР.
- ³⁶ Наиболее полный список изданий поэмы см. в XI томе Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова. См. Г. В. Свиридов. Полное собрание сочинений. Т. 11. Сочинения для голоса с фортепиано. / Вступительная статья И. Вульфович. М. – СПб, Национальный Свиридовский фонд, 2008. XXVIII, 128 с. с иллюстрациями.

(Продолжение следует)